

3. *Достоевский Ф.М.* «Преступление и наказание». Роман в шести частях. Фрунзе. Изд-во «Кыргызстан», 1979. 476 с.
4. *Достоевский Ф.М.* «Подросток». Роман. – Москва: Изд-во: Московский рабочий, 1987. 575 с.
5. *Достоевский Ф. М.* «Идиот». Роман в четырех частях. 2-е изд. Фрунзе. Изд-во «Кыргызстан», 1978. 644 с.
6. *Достоевский Ф.М.* «Белые ночи». Сентиментальный роман. – Москва: Детская литература, 1983. 63 с.
7. *Достоевский Ф.М.* «Униженные и оскорбленные». / Роман. Москва: Детская литература, 1974. 384 с.
8. *Емельянов Б. В., Саранчин Ю. К.* история русской философии. Курс лекции. /Екатеринбург. Изд-во ИИТЦ Зерцало Урал.-1998, 87 с.
9. *Зимица И.Е.* Слово-образ у Ф.М. Достоевского -- <http://www.astramong.ru/index.php/science/article/404/>
10. *Карякин Ю.* Самообман Раскольникова (Роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»). Москва: Изд-во «Художественная литература», 1976. 137 с.
11. *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: Изд-во YMCA-PRESS, 1947 150 с.
12. *Катаева Н.* «В «трех тополях на Плющихе» я сыграла маму». // Литературная газета. 2005. №21–22.
13. *Хмелеский Ю.* «Красота спасет мир» – <http://www.proza.ru/2007/11/16/316>

УДК 130.2:1(091)

А.Б. Костерина, Е.А. Конин
A.B. Kosterina, E. A. Konin

Амбивалентность смеха в культуре **The ambivalence of laughter in the culture**

Аннотация. В статье исследуется амбивалентность смеха, его противоречивые особенности, благодаря которым смех как своеобразная форма провокации, может служить как добру, так и злу. В статье рассмотрены работы античных и современных философов, посвященные феномену смеха. Отдельное внимание уделяется событиям, происходящим в современном мире, которые выявляют провокативную природу смеха.

Ключевые слова. Смех, провокация, современная культура, искусство, нравственное сознание, амбивалентность смеха, античная философия

Abstract. *The article discusses the ambivalence of laughter, its features are right laughter can serve both good and evil. The ability of laughter to bring people together, identifying them in General, to contribute to the growth of unity and self-worth and separate peoples, sow discord, to emphasize the gap between cultures. Special attention is paid to developments in the modern world.*

Keywords. *Laughter, provocation, modern culture, comic culture, art, moral consciousness, ambivalence of laughter*

Значение смеха в мировой культуре вообще трудно переоценить. Он является базовой составляющей, гармонично и позитивно развивая человека и человечество в целом. Но, пожалуй, нет другого такого феномена в мировой культуре, который был бы столь противоречив и парадоксален.

Для современной культуры, как в политическом, так и в художественном контексте провокация – дело известное. В истории XX века провокаций было немало. Известно, что это самый легкий способ борьбы с врагом. Способ его выявить, заставить быть активным, потом наказать. Из истории провокаций можно извлечь опыт, посмотреть, кто их начинает, как реагируют люди. И смех как своеобразная форма провокации играет далеко не последнюю роль в современном обществе.

На самом деле об этих качествах смеха догадывались уже античные философы. «Будучи людьми, мы не должны смеяться над людскими бедами, а должны сочувствовать им» [7, с. 367], – писал Демокрит. Объект смеха не должен вызывать сочувствия: горе, страдания, беды людей превращают смех в этически недопустимое действие. Аристофан тоже признавал не всякий смех. Бездумное шутовство, балаганные пляски, подмоченные остроты, имеющие целью только смешить, им не принимаются. Истинный смех, согласно Аристофану, является мощным средством на пути к высокой цели, и только в соотношении с этой целью он приобретает общественную и политическую ценность. Такой целью драматург считал своеобразный комический катарсис, выражающийся в очищении, *освобождении от иллюзий*. Платон считал смех хотя и действенным, но этически нежелательным средством для исправления нравов. Нравственная «ущерб-

ность» смеха, по мысли философа, состоит из нескольких аспектов. Во-первых, в смехе содержится некая часть зла. Во-вторых, философа явно раздражала снижающая приземленность, телесность витального, гомерического смеха, его инфантильная «неразумность». Он пишет: «Нельзя допускать, чтобы изображали, как смех одолевает достойных людей и уж всего менее богов...» [9, с. 13].

Аристотель тоже исследует смех, прежде всего с этической точки зрения. Он разделяет понятия смеха и насмешки; смех представляется явлением легким и существующим исключительно для отдыха и развлечения: «поскольку шутки и смех, как и всякий отдых, приятны, то неизбежно будет приятно и все, вызывающее смех: и люди, и слова, и дела» [1, с. 150].

Что касается насмешки, то в ней, как и у Платона, зримо или незримо присутствует элемент зла. Склонность к насмешке и оскорблению вульгарна и неприлична — философ даже предлагает запретить некоторые шутки, как закон запрещает бранные выражения. Следуя классическому принципу «все в меру», Аристотель учит: «...те, кто в смешном преступает меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать нечто изящное, не заставив страдать того, над кем насмеваются...» [2, с. 141].

В отличие от Платона и Аристотеля Лукиан специально не рассматривал этические границы смеха, соглашаясь со словами Аристофана: «Издеваться над негодным — в этом вовсе нет греха» [6, с. 400]. Истина и добро не могут пострадать от насмешек; только мертвое и непрочное боится смеха: «...А все потому, что я знаю: от насмешки никакого худа не рождается, а, напротив, самое что ни на есть добро — словно золото, очищенное чеканкою, ослепительнее сверкает и выступает отчетливей» [6, с. 400]. Соответственно с этим тезисом он не видит препятствий для свободного смеха даже над самым священным и неприкасаемым.

Таким образом, символика смеха у Лукиана тесно связана с символикой свободы. Смех он представляет слитым с древней «вакхической свободой». Такая свобода — несомненный идеал Лукиана; однако он сомневается в возможности существования истинной свободы в современном ему обществе. Он полагает, что препятствием к этому служит, прежде всего, социальное неравенство. В своих утопических построениях он находит единственное идеальное место, нивелирующее имущественные и сословные различия; этим местом, по

иронии жизни, оказывается потусторонний мир: «в преисподней царит равенство и здесь все друг другу подобны» [5, с. 155]. Связь смехового начала и свободы духа и слова, идея очищения истины смехом, образ смеховой преисподней отражены во всей средневековой и в особенности ренессансной культуре – в этом ощущается явное или опосредованное влияние стиля, идей и смеха Лукиана.

В средневековой культуре представления о смехе еще более поляризуются, от полного тотального отрицания смеха вообще, до возведения смеха до мятежа. Об этом роман итальянского философа Умберто Эко «Имя розы». «Борьба за смех», вот что является скрытым сюжетом романа. В центре внимания вторая книга «Поэтики» Аристотеля. И уж если настолько великий философ, как Аристотель, посвятил «смеху целую книгу, смех, должно быть, – серьезная вещь» [4, с. 468–481].

Умберто Эко видит в «средневековые корни всех наших современных «горячих» проблем», в том числе и проблем, связанных с феноменом смеха. [11, с. 13]. По мнению Ю. Лотмана, автор «Имя розы» отлично владел теорией карнавала М.М. Бахтина, а также учитывал работы Хейзинги и Х.Г. Кокса, хотя, в отличие от Бахтина, он считал, что смех, служит свободе. Смех, переключается с миром «подвижным, творческим, открытым в свободе суждений. С карнавальным миром». Однако, у смеха есть второе лицо – «лицо мятежа» [4, с. 468–481]. Но всегда ли хороша свобода? Свобода может быть опасной, а свобода смеха может быть смертельной. В романе описывается время, когда людей, которые хотели понять истинную силу смеха, убивали. Таким образом, современный итальянский историк и философ Умберто Эко, как и его античные предшественники, показал в своем романе, что смех может нести не только радость, но и войну, мятеж

Страх перед необратимой силой смеха заставлял прятать книги и запрещать театральные-комедийные мероприятия. Смех как клапан для снятия напряжения звучит неоднократно в исследованиях ученых. В современном же обществе, смех используют как инструмент давления и корректирования разума молодежи, а также накаливания общей атмосферы. Это вполне удастся такому проекту как «Comedy club». Большинство юмора ниже пояса воспринимается, как естественный образ восприятия мира. Смех обретает бессмысленную, бездумную свободу, и эволюционирует в более глобальные конфликты, нежели просто саркастические высмеивания друг друга

среди молодежи. Провоцирование смехом обретает более глобальный характер. Еще герой романа «Имя розы» утверждал: «Смех – это слабость, гнилость, распущенность нашей плоти» [10, с. 283]. Так вот, современный смех переводит в ранг ценностей свое низменное я. Однако, не стоит забывать и о другой стороне смеха, той, о которой говорил Аристотель, возводя смех в ранг искусства, о смехе, как об «оружии против серьезности». «Смех освобождает простолоудина от страха перед дьяволом» [10, с. 283]. А значит, смех освобождает человека от страха смерти. Еще во время Великой Отечественной Войны известны случаи, когда после веселого праздничного концерта солдаты шли в бой без страха и с улыбкой. Или когда после парада, довольно праздничного мероприятия, войска уходили сразу на фронт.

Именно в силу своей противоречивости смех может служить как добру, так и злу, как объединять народы и выявлять в них общее, всечеловеческое, способствовать росту национального достоинства и самоуважения, так и разъединять народы, сеять вражду, подчеркивать непреодолимую пропасть между культурами, порождать комплексы национальной неполноценности, смех может быть релаксирующим средством и столь же могучим средством, возбуждающим агрессию.

В 1845 году Н.В.Гоголь предостерегал от одностороннего взгляда на смех и вообще на любую вещь в этом мире: «Друг мой, храни вас бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло: в театре, литературе, на службе, в семье, в свете, словом – везде. Смотрите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта» [3, с. 287–288].

К сожалению, в современном мире все больше односторонности, искусство напоминает сегодня фронт противостояния, смех используют в качестве политического оружия, способного взорвать мир, все чаще он несет в себе провокацию. В качестве примера провокации, можно привести трагическую ситуацию, сложившуюся вокруг французского сатирического журнала Шарли Эбдо, который в течение нескольких десятилетий публиковал карикатуры на ведущих политиков, святых христианства, иудаизма и ислама, в том числе часто непристойного характера. После расстрела карикатуристов видный представитель французского королевского дома принц Карл-Филипп Орлеанский, герцог Анжуйский, высказав соболезно-

вания семьям погибших, тем не менее, счел нужным опубликовать заявление, в котором назвал «Шарли Эбдо» агрессивным, провокационным изданием, которое «создает обиду и врагов вместо уважения и братства между народами» [8]. Такой смех раскалывает человечество, он ведет, как мы видим, к эскалации насилия. Искусство кончается там, где оно становится политической провокацией. Карикатуры на Мухаммеда – не искусство, хотя стилистически к нему относятся. Сатирические картинки на стенах, сделанные во время арабской революции, сегодня не искусство, потому что идет война. Через 200 лет они будут искусством. Сатирическое действо, совершенное в храме девицами из «Пусси райт» тоже не искусство — это хулиганство, а не художественная акция, то есть сознательная провокация. Провокация, которая оскорбляет людей, выходит за пределы искусства. Можно смеяться, можно протестовать, нельзя оскорблять. История показывает, что смех не всегда служит свободе. В том случае, если смех разжигает межрелигиозную и межнациональную рознь, порождает человеконенавистничество, он умирает как искусство и становится открытой политической провокацией.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика. Риторика. Поэтика. [Книга] / Аристотель - Минск, Литература, 1998. – 48 с.
2. *Аристотель* Соч.: В 4 т. [Книга] / *Аристотель* – Мысль, Москва 1983. – 830 с.
3. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений [Книга] / *Гоголь Н.В.* –Издательство Московской Патриархии 2009. – 812 с.
4. *Лотман Ю.* Выход из лабиринта //Эко У. Имя розы. - М: Книжная палата, 1989.- с.468-481.
5. *Лукиан*. Избранное [Книга] / *Лукиан* – Художественная литература 1987. – 627 с.
6. *Лукиан*. Собрание сочинений [Книга] / *Лукиан* – Л.: Academia, 1935 г. – 792 с.
7. *Лурье С. Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Ленинградское отделение издательства «Наука», 1970, 684 с.
8. *Сидоров П.* Карикатуристы из «Шарли Эбдо» перепутали свободу слова со свободой кошунства [В Интернете] // МКРУ. - <http://spb.mk.ru/articles/2015/01/14/karikaturisty-iz-sharli-ebdo-pereputali-svobodu-slova-so-svobodoy-koshhunstva.html>.
9. *Сычев А. А.* Природа смеха или философия комического [Книга] / *Сычев А.А.* – Мордовский университет, 2003. – 176 с.

10. Эко У. Имя розы: Роман/Пер. с ит. Е. Костюкович; Вступ. слово В. Иванова// Иностран. лит. 1988. № 8. С. 7—88; № 9. С. 81 — 175; № 10. С. 88— 104.

УДК 130.2:792.01

Н.А. Фатеева, И.А. Щербакова
N. A. Fateeva, I. A. Shcherbakova

Театральность как явление культуры **Theatricality as a cultural phenomenon**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются такое понятие как театральность. Выявляются его характерные особенности и значение в театральной теории двадцатого века. Отмечаются перспективы развития в дальнейшем как феномена культуры, отражающего современную специфику и влияющего на художественное образование.*

***Abstract.** This article discusses the notion of theatricality. Identifies its characteristic features and importance in the theatrical theories of the twentieth century. Marked development prospects in the future as a cultural phenomenon, reflecting the current specificity and influence on art education.*

***Ключевые слова:** театральность, культура, творчество, эстетизация жизни, художественное образование.*

***Keywords:** theatricality, culture, arts, visual enhancement of life, art education.*

Принято считать, что современной культуре свойственна театральность. Она пронизывает самые разные сферы человеческой деятельности, проявляясь не только в социальной и духовной жизни, но и в политике и экономике. Не случайно, в конце 80-х появились определения, подчеркивающие эту особенность времени: «система симулякров», т. е. кажимостей»(Ж. Бодрийар), «общество спектакля»(Г. Дебор), «театрократия» (Ж. Баландье). Это связано с тем, что суть театральности – перевоплощение, игра, сегодня являются основой для самых разнообразных культурных практик, а ее синтезийная сущность вновь получила возможность для многоплановых и парадоксальных проявлений. Конечно, театрализация, карнавализация культуры – явление не новое. Описанный еще Бахтиным, этот феномен обнаруживается в самых разнообразных прояв-